

В начале декабря 1952 года Василий Шукшин был комиссован с флота. Когда он вернулся домой, точно неизвестно, но логично предположить, что к исходу первой декады или к середине декабря он уже приехал в Сростки.

Тут завязался еще один сюжет его жизни: Майя Якутина. Если сейчас у кого-то в голове вспыхнуло «Да это же!..» — да, это та самая Майя Якутина из рассказа «Страдания молодого Ваганова». Вернее, та, да не та.

О том, что героиня одного из самых известных рассказов Шукшина — реальный человек, до последнего времени никто не знал. Майя Семёновна объявилась сама — в 2017 году написала в музей в Сростки, сообщила, что у нее есть три письма Шукшина к ней. Письма весной 2018 года опубликовал журнал «Бийский вестник» (№ 2). Прочитав их, я связался с музеем, выпросил телефон и позвонил.

На момент нашего разговора Майе Семёновне было 88 лет. Но голос бодрый, веселый. Рассказала, что в 1952 году по окончании юридического факультета Ташкентского университета ее

распределили на Алтай, в Сростки — следователем прокуратуры. Как это делалось тогда, разместили на квартире. Сначала у какой-то бабушки. Но домик оказался маленький, квартирантка и хозяйка жили в одной комнате. И скоро молодому следователю подыскали новое жилье. Волею судьбы она поселилась у стариков Куксиных, родителей отчима Василия.

— У них был домик в две комнаты, и одну комнату они сдавали. Вот я у них сняла... — вспоминала Майя Семёновна.

В университете она специализировалась по гражданскому праву, в следователи не собиралась. Признается: «Из меня следователь был никакой». Спасало то, что тогда и дел серьезных не было.

— За все время два-три случая. Однажды на тракте машина человека сбила. Еще у пасечника пчелы погибли — он их неправильно кормил, и у них болезни начались. На Катунь был детский интернат, там пропала девочка, оказалось, она утонула, и ее течением принесло к нам, выбросило на остров. И я как следователь туда ездила. Вот и все дела... — вспоминает Майя Семёновна.

Они увидели друг друга в первый же день его приезда. Майя с подружкой, попавшей в Сростки по распределению из Москвы, вечером отправилась в кино.

— Когда шли из кино, за нами шел какой-то парень. Такая походка — вразвалочку, как на корабле. Куда мы, туда и он. Я думаю — чего за нами увязался? Я же не знала, что Куксины жили через плетень с Марией Сергеевной. Он видел, куда я зашла. И наутро пришел к деду с бабкой. На столе у меня стояла коробочка с домино. Он говорит: «Сыграем?» Я сказала, что не особенно и умею. Но начали. И я его обыграла. Он говорит: «Вот так не умею!» Так мы познакомились...

Василий к старикам Куксиным, как говорится, зачастил.

— Он приходил часто. Говорил, что к деду с бабкой, на самом деле ко мне... — посмеивалась Майя Семёновна.

Он пустился в ухаживания с деревенским размахом: под новый, пятьдесят третий год, приехал к ней на санях, позвал кататься. Романтика — зимняя ночь, мороз, звезды... Но он ей ничего не сказал, а она по молодости (Якутиной было двадцать два) ничего не поняла. Зато все поняла Мария Сергеевна.

— Его маме не нравилось, что он ко мне ходит. У него в то время уже была Шумская, и Мария Сергеевна уже считала ее будущей снохой. Я видела, что я ей не нравлюсь. Ей хотелось, чтобы он уже с Шумской узаконил отношения. Он придет ко мне, а она тут же появляется и посылает его то за водой, то дров нарубить, то еще чего... — рассказывала Майя Семёновна.

Василий учил ее кататься на лыжах.

— Я выросла в Ташкенте. И он решил научить меня кататься на лыжах. Не научил. Я шаг шагну — упаду, шагну — упаду. Так и забросила я... — смеется она. Летом плавали на лодке по Катунь.

Общение было ежедневным или (надо же помнить о Марии Сергеевне) почти ежедневным. Но отношения оставались на все той же нулевой точке.

— Что делали? Разговаривали. Сейчас думаю: о чем мы говорили? Но говорили почти каждый день. Вел себя очень скромно, уважительно, мы с ним полтора года почти каждый день виделись и были все время на вы... — подчеркнула Якутина. Сейчас она удивляется сама себе: «Я даже не задумывалась — чего он каждый день ходит?»

К тому же, у Якутиной имелся другой поклонник, оказывавший ей очевидные знаки внимания.

— Напротив жила Аня Гилёва, учительница литературы, я с ней подружилась. У нас была вроде как компания: Аня, ее брат Николай, Василий, я. Вот Николай явно ухаживал. За руку старался взять... — рассказывает она.

При этом технология общения с женским полом Василию была знакома. Вениамин Зяблицкий, его друг, вспоминал показательный случай из их юности. Зяблицкий был влюблен в Аню Ковалевскую, но не решался открыться: «когда девчонка нравится, робость какая-то берет». И вот сrostинская молодежь собралась «на тырло» — пели, плясали, разговаривали. Веня видит Аню, думает, что же сказать. И пока мешкает, подходит Василий, говорит девушке: «Ну чо, Нюра, пойдём...».

«Она вроде колеблется, молчит. Он взял ее под руку и увел...» — вспоминал эту горькую минуту Зяблицкий.

Что мешало Василию вот так же взять за руку и увести Майю?

Возможно, влияла и ситуация с Шумской — ведь заневестил, что люди скажут? А еще важнее — Майя для него человек

Прокурор Сростинского района Федор Григорьевич Зверев, следователь Майя Семеновна Якутина и работник прокуратуры Пономаренко. 1952 год. Фото из фондов Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина.

с другого социального этажа. Как Руфь для Мартина Идена, любимого шукшинского литературного героя. Городская, после университета, при должности, и какой — следователь прокуратуры! Да еще в сталинские времена. Власть! Возможно, он смотрел на нее и думал: молодая девчонка, а ей судьбы вершить доверено.

— Я университет закончила, а он вообще ничего. Это на него, думаю, давило... — признает Майя Семёновна. Ее «круг общения» — зоотехник, главный бухгалтер, люди молодые, но с положением.

Да Василий наверняка понял, а после и узнал, что сердце Майи несвободно. В Государственном архиве Алтайского края я отыскал удивительный для нашей истории документ — персональное дело Майи Якутиной, разбиравшееся на бюро Сростинского райкома ВЛКСМ 29 мая 1953 года (ГААК, ф. 143, оп. 2, д. 86, л. 88). Якутина «нарушила государственную и трудовую дисциплину — уехала без разрешения прокурора в Новосибирск к знакомому». Это было

Майя Якутина. Фото из фондов Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина.

на майские праздники. 1 мая тогда пришлось на пятницу, Якутина решила воспользоваться этим и поехала к бывшему однокурснику — Юрию Краснобаеву, распределенному после университета в Новосибирск. Можно предположить, что трех дней молодым людям оказалось мало. Поездка эта обошлась Якутиной недешево — на бюро объявили выговор с занесением в учетную карточку, что довольно серьезно по тем временам (правда, довольно скоро, в сентябре пятьдесят третьего, взыскание сняли).

Шукшин, бывавший у Якутиной почти ежедневно, не мог не знать эту историю. Более того, однажды (скорее всего, летом пятьдесят третьего) Василий зашел в избу и увидел у Майи гостя, молодого парня! «Однажды я пришел к деду (к Вам), а в горнице был молодой человек в синей рубашке...» — вспоминал Шукшин. Это был тот самый Юрий Краснобаев.

— Он его посчитал женихом. У нас, конечно, были отношения, мы могли и пожениться, но потом у нас все расстроилось... — говорит Майя Семёновна.

Шукшин сделал вид, что зашел по делу, попросил у деда Куксина пилу, ушел на берег Катуня и долго там сидел.

«Тяжело в такие минуты, но и учат они многому. Вдруг начинаешь чувствовать в себе силу — большой мир не пугает, больше того, возникает неодолимое желание идти в него и бороться...» — написал он Майе, но не тогда же, а спустя двадцать лет [Бийский вестник, 2018: 2, 32].

То есть в душе у него рождалось то, что обычно рождается в таких случаях: «Я стану великим, и она еще пожалеет!»

Если Шукшин и собирался объясниться, то, узнав о поездке в Новосибирск, а тем более увидев этого молодого человека в синей рубашке, наверняка решил, что опоздал.

В рассказе «Степкина любовь» главный герой, влюбившись в целинщицу Эллочку, приходит к ней и видит соперника.

«Прямо перед ними за столом сидел Васька Семёнов, а рядом с ним, близко — Эллочка.

Чай попивают. Васька без пиджака, в шелковой желтой рубашке, выбритый до легкого сияния. Сидит, как у себя дома, даже развалился немного».

Почему-то кажется, что эту картину Шукшин пишет с натуры — только рубашку «перекрасил». Особенно вот это, остро-неприятное «сидит, как у себя дома» — он не придумал эту иголку во влюбленное сердце, он ее помнил. Степка посрамил соперника, Васька уходит, «зло и весело» хлопнув дверью, — Шукшин взял реванш сквозь время и пространство...

— Он очень много занимался. Мы однажды с Аней и Николаем переправились на остров на Катуня, а он там сидел в кустах с каким-то учебником. Там ему, видимо, никто не мешал... — вспоминает Якутина.

В конце пятьдесят третьего года Якутина уезжала из Сросток — переводилась в Барнаул. Василий помогал ей собирать вещи.

— У меня валенки на полатах были, я туда забралась, и он туда пошел. И там меня поцеловал. Залез туда, в темноту, и там решился. Вот и все. Больше ничего не было... — рассказывала Майя Семёновна.

Провожать ее он не пришел. Видимо, предстоящая разлука, отчаянный поцелуй-объяснение, тоска-любовь, которую он носил в себе многие месяцы, выбили его из равновесия так, что он

потерял ощущение времени. «Я очухался только к середине дня, когда было поздно. Но как же было потом совестно и тяжело...» — признавался он ей спустя годы.

Майя Семёновна о его страданиях не знала и обиделась. Она уехала, он остался.

Но это еще не все! Летом пятьдесят четвертого года она получила письмо. Обратный адрес — Москва, ВГИК, Шукшин.

— В письме был только рисунок: девушка стоит, а парень на коленях тянет к ней руки. И все. Я так поняла, что это было объяснение. Он поступил, немного расхрабрился и какое-то объяснение прислал... Но я в это время уже собиралась замуж выходить и ему не ответила... — рассказывает она.

Его это ранило. Он ее не забыл. Скорее всего, любовь со временем перегорела, перекалилась, но он помнил саму историю — безответное чувство, он парень, она девчонка, но она городская, он деревенский, и эта особая немота любви, когда ты переполнен чувством так, что кажется, это невозможно не заметить, не понять — но не замечают и не понимают.

В 1972 году, в октябрьском номере журнала «Наш современник» вышел рассказ Шукшина «Страдания молодого Ваганова». Георгий Ваганов работает в районной прокуратуре. Ему приходит письмо от девушки, с которую они учились на юрфаке и в которую он был влюблен. Тогда она вроде бы не замечала этой любви, но — вот, написала! (Выходит, и правда — невозможно не заметить!) Рассказала, что была замужем, но развелась и теперь хотела бы «повидать страну — поездить». И приехать она намеревалась в деревню к Ваганову. Эту «гордую девушку с точеным лицом» Шукшин назвал Майя Якутина. Настоящая, нелитературная Майя Якутина на фотографиях именно такая — «гордая девушка с точеным лицом».

«Ваганова не оставляло навязчивое какое-то, досадное сравнение: Майя похожа на деревянную куклу, сделанную большим мастером. Но именно это, что она похожа на куколку, на изящную куколку, необъяснимым образом влекло и подсказывало, что она же — женщина, способная сварить борщ и способная подарить радость, которую больше никто не в состоянии подарить — то есть она женщина, как все женщины, но к тому же изящная, как куколка».

Куколка — что-то искусственное, бездушное. Сравнение это, по устоявшейся традиции, героине скорее не плюс, а минус. У Ваганова оно явно не от сердца, а от ума, потеряв надежду на взаимность, он так уговаривал себя: «Да что там любить, она же кукла бесчувственная!» Судя по переживаниям (страданиям), Ваганов себя не уговорил. Но уговорил ли Шукшин? Наверняка и он твердил себе: «Она же кукла!», стараясь сделать шаг от любви до ненависти, но так и не осилив его.

«Ваганов всегда знал: Майя не ему чета...» — это он написал явно о себе.

«Жалко, конечно, но... А может, и не жалко, может, это и к лучшему: получи он Майю, как дар судьбы, он скоро пошел бы с этим даром на дно. Он бы моментально стал приспособленцем: любой ценой захотел бы остаться в городе, согласился бы на роль какого-нибудь мелкого чиновника... Не привязанный, а повизгивал бы около этой Майи...» — это, с некоторыми поправками на сюжет рассказа, внутренний монолог Шукшина. Он ведь тогда, в Сростках, и правда был на перепутье — или остаться (не в городе, а в деревне, в Сростках), работать директором школы или, как ему потом предлагали, в райкоме ВЛКСМ («роль какого-нибудь мелкого чиновника»), или, как с обрыва — в Москву!

«Нет, что ни делается, все к лучшему, это верно сказано. Так Ваганов успокоил себя, когда понял окончательно, что не видать ему Майи как своих ушей. Тем и успокоился», — признается Шукшин. И тут же поправляет: «То есть, ему казалось, что успокоился. Оказывается, в таких делах не успокаиваются».

И вот — письмо. То самое, которого когда-то не дождался Шукшин. И что же делает его герой? Поначалу он хочет ответить: приезжай, жду! Но по работе разбирает «бестолковую историю неумелой жизни» деревенского работяги Павла Попова: он побил загулявшую жену, попал на пятнадцать суток, теперь жена хочет законопатить его поосновательнее, чтобы «пожить с Мишкой», а Попов готов ее простить, лишь бы не разводиться, потому что и жить тогда негде, и детей жаль, и «не сдюжить мне на стороне, сопьюсь».

Ваганов вдрут примеряет эту историю на себя. Это странно — все же Ваганов не деревенский пьяница, и Майя не продавщица сельпо, что уж тут примерять. Майя — любовь, ты ждал ее — она

пришла. Пришла любовь — отворяй ворота. Любить надо, а Ваганову не хочется. Он ищет спасительные отговорки, говорит себе, что Майя «такая же, в сущности, профессиональная потребительница, эгоистка, только одна действует тупо, просто, а другая умеет и имеет к тому неизмеримо больше». Откуда Ваганов все это взял — он ведь, в сущности, не знает Майю и ее историю. Объяснение простое: Ваганов боится. Он понимает, что трусит, ругает себя, но не может пересилить свой страх. Снова встречается с Поповым, рассказывает ему про Майю и признается: «Люблю эту женщину, а связываться с ней боюсь». Павел говорит на это: «С той стороны, с женской, ждать нечего. Баба она и есть баба». «Но есть же нормальные семьи...» — вроде бы спорит Ваганов, но, к его облегчению, Попов отвечает: «Да где?! Притворяются. Сор не выносят».

Эта первобытная простота в объяснении целого космоса взаимоотношений устраивает Ваганова, с ней он получается не трус, а разумный человек, принявший взвешенное решение. По инерции он еще идет на почту, пишет телеграмму «Приезжай», но не отправляет. Страница закрыта. Ваганов сдал любовь в архив.

Шукшин на историю и героев смотрит немного насмешливо. Это видно уже из названия — «Страдания», тут, с одной стороны Гете, с его «Страданиями юного Вертера», с другой — русские народные страдания-частушки. История Павла Попова и его жены вполне частушечная. А вот несбывшаяся любовь Ваганова и Майи — это трагедия. Вертер выстрелил себе в голову над правым глазом. «И ведь как врать научился! Глазом не моргнул...» — думает о себе Ваганов, сказав телеграфистке, что забыл адрес. Вертеру любовная история стоила жизни. Ваганову она тоже будет стоить жизни — ведь какая жизнь с дыркой вместо сердца? Если он побоялся любить сейчас — осмелится ли в следующий раз?

Если разглядывать историю под лупой, то становится видно вот что: Ваганов смотрит на Майю чужими глазами. Вот она вышла замуж за перспективного физика: «Все решили: ну да, хорошенькая, да еще и с расчетом». Кто эти — все? Почему — с расчетом? Или перспективных физиков любить не положено? Ваганов не задавал эти вопросы ни тогда, в университете, не задает и сейчас, когда Попов, симпатичный, но изверившийся человек, как туберкулезную кровь, переливает в душу Ваганова свой беспросвет. Сам того не понимая,

Ваганов наполняет образ Майи набором обычных в любое время банальностей. Но если Майя и правда расчетливая кукла, она бы поменяла перспективного физика на перспективного лирика. Она же пишет ему, прокурору в деревне, в советское время работа хлопотная и неденежная. Он явно ее последняя надежда. Промолчать в ответ — нанести удар. Ваганов понимает это. Но — молчит. Письмо Майи упало в пустоту — как когда-то упало в пустоту письмо Шукшина. Жизнь зарифмовалась. Был ли это расчет Шукшина со своим прошлым?

Спустя время после выхода в свет, рассказ прочитал кто-то из знавших Якутину людей.

— Моей сестре звонит ее знакомая и говорит: «Твоя сестра Шукшина не знала?» Та говорит: «Знала. А что?» Вот так я узнала о рассказе. Прочитала сама. Майя Якутина, еще и юрист. У меня были приятели, которые говорили: «Чего это он о тебе так написал? Да я бы...» Они меня подзадорили. И я ему написала письмо. Написала, что не поняла, почему этот рассказ так написан. Если это обо мне, то это неправда. А если не обо мне, просто литературный образ, то зачем было использовать мою фамилию? Отправила на «Мосфильм». А он был на съемках, и со студии письмо переправили на съемки. И уже оттуда он мне прислал ответ...

«Вы задержались с ответом... на 20 лет...» — написал он ей. То есть он помнил тот свой листок с рисунком, это объяснение, оставшееся безответным.

«Ради бога, выбросьте из головы этот рассказ — это не вы (я, кстати, думал, что Вы давно — лет 20 уже — не Якутина)», — пишет он.

Извинился за невольную (или вольную?) шутку с ее судьбой: «Если уж это проступок, то вовсе безобидный. Даже не мелкое хулиганство, правда. Уж чего-чего, а обидеть Вас я никак не хотел» [Бийский вестник, 2018: 2, 30].

Он спрашивает ее о жизни, просит написать. Она ответила, рассказала о своей жизни — вышла замуж, родились сын и дочь, но муж умер. Сходство ее судьбы с судьбой сестры Натальи поразило Шукшина: «Я почему-то думал, что Ваша жизнь сложится удачно. Не знаю, на чем я строил свои убеждения, но был убежден, что у Вас все хорошо. На том, наверное, строил, что тогда,

в Сростках, заметил у Вас одну черту: чрезмерную серьезность. Я думал, что с этим-то всегда живут хорошо...» — пишет он ей [Бийский вестник 2018: 2, 31].

Он в это время на съемках картины «Они сражались за Родину». Майя Семеновна написала ему одно письмо, другое. И тут пронеслось — Шукшин умер. «Я думала, что ответа не будет...» — говорит она. И вдруг — письмо. Он написал его 27 сентября.

«Зря Вы не соглашаетесь с тем, что мы пробежали только половину дистанции. Вы как хотите, а я буду считать, что нам еще жить да жить. Словом, я не сдаюсь...» — пишет он [Бийский вестник, 2018: 2, 32].

Потом от него пришла еще книга рассказов «Беседы при ясной луне» с рассказом «Страдания молодого Ваганова», на котором Шукшин написал: «Еще раз подтверждаю, что Майя Якутина никакого отношения к этому рассказу не имеет». Тут он, конечно, схитрил — имеет. Юношеская любовь плавит душу при высочайших температуре и давлении. Чувства кристаллизуются. И «Страдания молодого Ваганова» — один из таких кристаллов.

У Шукшина в «Калине красной» есть женщина-следователь (ее играет Жанна Прохоренко). На мой вопрос Майя Семёновна согласилась, что какие-то ее черты в этом образе есть. Егор Прокудин все никак не может найти верный тон в общении с ней — и Василий так и не нашел верный тон в общении с Майей. Тут, конечно, не о любви речь — о простом понимании. Люди, вроде, и рядом — а между ними словно стена из бронестекла.

Летом семьдесят четвертого едва не замкнулся круг еще одного сюжета: в милиции Волгограда тогда служил подполковник Юрий Краснобаев, тот самый «молодой человек в синей рубашке», которого Шукшин когда-то посчитал женихом Майи. Краснобаев с сослуживцами собирались пригласить Шукшина выступить, но — не успели.

Майя Семёновна на момент нашего разговора (сентябрь 2018 года) жила в Ташкенте. Дети выросли, внуки, уже и правнуков семеро. Ухаживала за тяжело больной сестрой. На жизнь не жаловалась. Сказала, что единственная беда — зрение. Оно ухудшалось так, что Майя Семёновна не могла перейти улицу — просила кого-то перевести. Я пожелал ей долгих лет. Она ответила, что ее мама дожила до девяноста восьми.